

Дубровский А.М., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия)
Карпухин А.А., бакалавр, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия)

ИДЕОЛОГИЯ БОЛЬШЕВИЗМА И ОБРАЗ ВОЖДЯ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

В статье представлена эволюция идейного комплекса вождизма в идеологии партии большевиков и отражение этой идеи в политических плакатах, рисунках, картинах, посвящённых вождям. Ранее авторы исследовали изображения главным образом И.В. Сталина без связи с эволюцией идеологии большевиков. Хронологические рамки их работ ограничивались 1930-1950 годами. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с 1917 г. до начала 1950-х гг. В статье исследуются предпосылки появления культа вождя в общественном сознании после Февральской революции и в идеологии партии большевиков. В этой идеологии комплекс вождизма возникал постепенно. В начале своей революционной деятельности Ленин обосновал необходимость вождя для партии. После прихода к власти в стране Ленин охарактеризовал их роль как диктаторов в руководстве экономикой. В 1930-х гг. Сталин пришёл к выводу, что в России необходимость вождя заключена в традиционных взглядах русского народа. В этом представлении заключался политический реализм и в то же время отход от классовой позиции Ленина. При жизни и вскоре после смерти Ленина его образ художники представляли в дружеском и юмористическом духе. Позже его образ в изобразительном искусстве канонизируется, складывается культ Ленина. Изображения Сталина пережили ещё большую эволюцию. В 1930-х гг. идейный комплекс его культа сложился в литературе и воплотился в ряде произведений изобразительного искусства. Эволюция образа вождя в изобразительном искусстве за 1930-1940-е гг. шла тем же путём, что и вся партийно-государственная идеология – от радикальных понятий и представлений к возрождению традиционных для России идей и образов.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.В. Сталин, революция, вождизм, плакат, идеология, культ личности, образ, жест, фигура.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-04-22-39

В литературе, в которой, так или иначе, авторы интерпретируют созданные в советском искусстве образы вождя, особенно изображения И.В. Сталина, обычно проводится связь с культом личности этого вождя, с конкретно-историческим явлением в советской пропаганде. Основное внимание авторов оказалось в области анализа изображений [4, 14, 15, 22]. При этом авторы не обращают внимания на эволюцию идеологии большевизма в целом, на идею вождизма в этой идеологии, на истоки и эволюцию этой идеи. Так, В.Е. Боннелл связала отражение культа вождя в искусстве только с ленинским планом монументальной пропаганды [22, с.137-139]. И.Н. Голомшток едва касался идеологии, молчаливо предполагая её совершенно сложившейся [5]. Авторы не обратили внимания на эволюцию идеологии большевиков, а вместе с ней и идейного комплекса вождизма как её составной части.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить содержание и эволюцию этого идейного комплекса в идеологии партии большевиков, охарактеризовать его отражение в изображениях вождя, особенно Сталина. По убеждению авторов настоящей статьи, такая эволюция не находила полного отражения в идеологических текстах, тем более, что большевики

критически отзывались об эсеровской теории «народ и толпа», выдвигали значение действия масс в истории, главным образом рабочего класса. Идейный комплекс вождизма в советский период отечественной истории в гораздо большей мере был представлен иными средствами – в визуальных образах (плакат, рисунок, картина, фотография), в песнях, в том псевдонародном фольклоре, который искусственно создавался в 1930-е гг. Таким путём можно было воздействовать на общественное сознание широких слоёв населения. Сопоставляя источники разных типов и дополняя один тип источников другим (письменный=визуальным) можно получить представление о развитии культа вождя в большевистской идеологии и пропаганде.

Известно, что вождизм обычно понимается как политика, направленная на утверждение одного человека в роли непререкаемого руководителя, обладателя харизмы, сверхчеловеческих качеств, в частности, они провидят будущее. Мудрость и правота такого руководителя не вызывает сомнений.

Как известно, в ходе революционных событий 1917 г. широкое употребление получило слово «вождь». Для многих современников А.Ф. Керенский был центральной

фигурой ряда важных событий весны 1917 г. По мнению В.И. Старцева, «именно в случае с А.Ф. Керенским можно говорить о возникшем в нашей стране впервые феномене

А. Ф. Керенский

«Свободная Россия. А.Ф. Керенский. Член Исполнительного Комитета Гос. Думы и Министр Военный и Морской», А. Смоликов, 1917 г.

По наблюдению Б.И. Колоницкого, с 1917 г. жизнь революционных лидеров стала предметом народного интереса и описаний биографов, но ни один деятель Февральской революции не удостоился такого количества популярных жизнеописаний, как Керенский. Репутация аскета, посвятившего всего себя борьбе за свободу, была важна для утверждения образа «вождя революции и народа». Дар «предвидения», и даже «ясновидения», которым публицисты наделяли Керенского, служил для обоснования его «уникальности». Меняется и внешний образ Керенского. На плакате работы А. Смоликова у Керенского слишком «буржуазный» облик. Бросаются в глаза стоячий воротник, галстук, белая сорочка. Под влиянием революционных событий Керенский сменил свой костюм первоначально на форму защитного цвета, а позднее — на френч, кепи, бриджи и краги.

Сопоставление приведённых выше двух изображений Керенского демонстрирует важную тенденцию в политической жизни и в изобразительном искусстве. Суровее и проще стал облик вождя. В работе И. Бродского у Керенского мощный корпус, вождь должен был обладать физической крепостью и быть готовым к тяжёлым испытаниям. Не случайно художник выбрал поясное изображение Керенского, дав его не вполборота, как в произведении Смоликова, а развернув прямо на зрителя. На плакате Смоликова Керенский слишком почеловечески мягок, что могло навести на мысль о духовной слабости. У Бродского на

культу личности политического деятеля», «он (культ Керенского) как бы заместил в глазах широких народных масс образ отрёкшегося императора» [20, с.76-78].

Портрет А.Ф. Керенского, И.И. Бродский, 1917 г.

портрете сильная личность, об этом говорит не только физическая крепость, но и изобразённый морщинами лоб, прямой взгляд, сосредоточенность в выражении лица.

Несомненно, сформировавшийся культ А.Ф. Керенского в качестве революционного, военного и народного вождя, в дальнейшем оказал значительное влияние на последующие советские практики [8, с.17]. Революционные события, а затем и события Гражданской войны способствовали «переодеванию» ряда большевистских вождей в военную форму. Таким образом, чисто внешне был поддержан тот традиционный облик вождя, который сложился до октября 1917 г. Культ Керенского был своего рода предпосылкой для оформления культов иных героев. Этот культ не только предлагал типичный имидж вождя, но и готовил общественное сознание к восприятию аналогичных явлений в близком будущем.

Октябрьские события 1917 г. в России были неразрывно связаны с именами двух лидеров партии большевиков — В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Уже тогда в идеологии партии ясно проявлялся вождизм. Обычно авторы исследований, посвящённых изображениям советских вождей, обходят вниманием очень важную деталь — истоки вождизма в идеологии большевистской партии. Эти истоки лежали в ленинских идеях, прежде всего в идее партии нового типа, какую Ленин и создавал в начале своей революционной деятельности. В отличие от прежних социал-демократических партий, активно

действовавших в парламентах, это была партия, нацеленная на свержение капиталистического строя, партия решающего штурма. По мысли Ленина, партия должна была быть жёстко централизованной, сплочённой, дисциплинированной. Естественно, что личности (или одна личность), поставленные в центр такой организации, должны были обладать командирскими чертами, особенно в самый ответственный период — период штурма.

О вождях партии Ленин рассуждал уже в начале своей политической деятельности: «Ни один класс в истории не достиг господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [10, с.375].

Ленин формулировал качества, свойственные вождям, то есть обрисовывал идеал такого партийного лидера: «широкий политический кругозор», «революционная энергия», «организаторский талант» [9, с.364].

«Без "десятки" талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса», — писал Ленин ещё в 1902 г. [12, с.121-122]. Те качества, которые формулировал Ленин, ещё не содержали в себе ничего сверхчеловеческого. Речь шла о способных и талантливых людях, не более.

Уже в зрелые годы, находясь во главе государства, Ленин теоретически обосновал диктаторский характер власти советского руководителя, а по сути, и партийного вождя. Именно такая власть оказалась особенно необходимой в то время, когда партия возглавила государство и брала под контроль все стороны жизни страны. Этой власти Ленин дал экономическое обоснование: «Всякая крупная машинная индустрия — т.е. именно материальный, **производственный источник и фундамент социализма — требует** безусловного и строжайшего **единства воли**, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников одной работы, напоминать больше мягкое руководство дирижёра. Оно

может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, **беспрекословное подчинение** единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо» [11, с.200].

Советского руководителя Ленин определённо назвал «диктатором *во время работы*» [11, с.200].

На первый взгляд, рассуждение Ленина посвящено чисто хозяйственной сфере жизни. И в главном это так. Он обратился к размышлениям о диктаторской роли руководителя в связи с дискуссией из-за декрета об управлении железными дорогами. Однако Ленин ставил вопрос шире: «Совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти?» [11, с.198]. Он отвечал на этот вопрос положительно. Следовательно, такая диктаторская власть могла, при необходимости, распространяться на разные сферы жизни. Во всяком случае, Ленин дал своё обоснование необходимости диктаторских полномочий для отдельного лица и указал на то, что это не противоречит принципам новой власти.

Итак, Ленин высказал новые мысли, которые приближали партию к вождизму, теоретически обосновывали этот подход. Они могли лечь в основу официального идеологического оформления культа вождя. Однако в идеологии партии — в решениях съездов и конференций, в руководящих документах — эта ленинская идея не отразилась. Она применялась на практике всё более и более в форме крепнувшего единоначалия, сокращения коллегиальности в руководстве разными областями жизни.

В партии незаметно развивался культ вождя. В начале гражданской войны появились агитпоезда, первый из которых именовался «Имени тов. Ленина». Постоянное упоминание имени Ленина не замедлило понемногу поднять на щит руководителя большевистской революции в народном сознании. Уже в начале ноября 1918 г. на родном доме Ленина в Симбирске была установлена мемориальная доска в честь «великого вождя русских рабочих».

О характере культа Ленина свидетельствовала партийная печать. 14 марта 1923 г. «Правда» была посвящена 25-летию юбилею Российской Коммунистической партии. В обращении ЦК партии «Трудящимся

Союза Советских Социалистических Республик» о Ленине писали как об «учителе нашей партии». В статье Н.И. Бухарина «Чем мы побеждаем» о Ленине говорилось очень мало, правда, автор включил в текст такую характеристику: «Всегда гениальные глаза Ленина». Вместе с тем Бухарин указывал на «признания в ошибках (да ещё каких!) со стороны Ленина». Все эти статьи были помещены на первой странице главной партийной газеты. Об ошибках Ленина «вместе с партией» писал и Е. Преображенский в статье «Вождь партии», помещённой на четвёртой странице газеты. И в этой же статье автор употреблял такие характеристики вождя: «несравненный тактический гений», «с гениальной глубиной анализа и чисто сверхчеловеческим чутьём», «могучий лев, готовящийся схватить врага за горло», «гениальная интуиция». Заметно, что эпитет «гениальный» прочно вошёл в характеристику Ленина, что говорило о наделении Ленина качеством харизмы. Но при этом соратники по партии просто и смело говорили и об ошибках вождя. В том же номере «Правды», на 4-й странице, Н. Осинский в статье «Ленин» писал о «будничной» и «нормальной» внешности Ленина, о том, что в разговоре «ничего "особенного", "замечательного", "глубокого" он вам не скажет». Порой у того же автора проскальзывало сравнение, казалось бы, мало подходящее к характеристике гениального вождя: «Он сминал перед собою сомнения, точно кабан тростник». Позже, в 1930-1950-е гг., в характеристике вождя такие выражения были немислимы, как и указания на ошибки, допущенные в прошлом и известные в более или менее широких кругах партийцев.

«Тов. Ленин очищает землю от нечисти», В.Н. Дени, М.В. Черемных, 1920 г.

То же отношение, — товарищеское, шутовское, отрицающее в Ленине сверхчеловеческое начало, ясно видно в плакате В.Н. Дени и М.В. Черемных «Тов. Ленин очищает землю от нечисти» (1920 г.). Трудно согласиться с В. Е. Боннелл в том, что в этом изображении Ленин представлен исключительно как некий сверхъестественный («lager-than-life») гигант [22, с.142-142]. Думается, что важнее другое — в облике Ленина ещё нет того, что на более поздних плакатах связывалось с обликом сверхчеловека-вождя. Необычный ракурс использовал художник, уникальный для плаката о вожде: он смотрит на Ленина сверху вниз. В руках у Ленина прозаическая метла, которая никак не могла быть закреплена в качестве атрибута облика политического лидера. Выражение лица — ироническое по отношению к тем историческим фигурам, которых он выметает с планеты. Поза Ленина вовсе не торжественная, горделиво выпрямленная. Его спина чуть согнута, как и колени. Заметен небольшой рост Ленина, коренастость. В целом поза рабочая, житейская, не героическая, хотя он занят решением всемирно-исторической задачи — очищением Земли от монархов, попов, капиталистов.

В основе формировавшегося культа Ленина ещё при жизни вождя было признание его интеллектуального превосходства над другими руководителям и партии, верности его политического чутья. Эти качества были испытаны при спорах о необходимости восстания в октябре 1917 г., в дискуссиях по поводу Брестского мира с Германией. В этих судьбоносных событиях Ленин оказывался правым, а его оппоненты — неправы. И жизнь убеждала в этом всех.

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», В. Щербаков, 1920 г.

Новый шаг в формировании культа был сделан в 1920 г., когда IX съезд партии решил впервые опубликовать собрание сочинений Ленина, предназначенного для руководства партии и ответственных работников. В этом же году появляется плакат художника В. Щербакова, озаглавленный «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Работа несла в себе определённое число новых и ярких художественных приёмов.

Образ Ленина являет здесь своеобразное соединение реалистических и символических черт. За неимением возможности представить Ленина на коне и в мундире, в традиционной позе величия, художники находили новые пластические воплощения, способные заменить символы прошлого новыми символическими изображениями — индустриальным пейзажем, трибуной, красным знаменем. Вождь представлен зрителю выступающим на трибуне на фоне заводов и красного знамени. Выражение лица — суровое. Поднятая правая рука указывает на прекрасное будущее, которое пока далеко впереди. Здесь нет ни тени шутиivosti, свойственной предыдущему плакату. Художник смотрит на Ленина снизу вверх, что подчёркивает величие вождя. Этот приём станет традиционным для таких плакатных изображений не только Ленина, но и Сталина. Именно такой приём подчёркивал надчеловечность портретируемого.

Смерть Ленина 21 января 1924 г. вызвала волну статей в партийной печати. В передовой статье «Правды» от 24 января 1924 г., подписанной Н.И. Бухариным, чувствуется человеческая, дружеская близость Бухарина к вождю — в статье по отношению к Ленину употреблены такие слова как «Милый! Незабываемый!». И в то же время Бухарин слагал гимн Ленину: «Тов. Ленин был прежде всего вождём, таким вождём, какими история дарит человечество раз в сотни лет, по имени которых потом отсчитывают эпохи. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянстве. По записке рабочего на митинге он, мудрец нашей партии, видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса». И далее в статье говорилось о необыкновенных талантах Ленина — «величайший организатор масс», «особый дар говорить с людьми», «исключительное обаяние», «очаровывал людей», «вернейший, мудрейший, опытнейший советчик», «мощный головной аппарат», «железная рука».

В статье «Великий мятежник», помещённой параллельно со статьёй Бухарина

на первой странице «Правды» Л.Б. Каменев писал: «Ленин создан был для того, чтобы в самую катастрофическую, самую революционную эпоху мировой истории стать во главе миллионов и вести их в бой».

В воззвании ЦК партии «К партии. Ко всем трудящимся» о Ленине говорилось как о «гигантской фигуре». «Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громадные исторические переломы, — говорилось в воззвании. — Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности».

С 24 января по 1 февраля «Правда» публиковала статьи и выступления о Ленине. В них имя Ленина было спаяно со словами «гениальный». 27 января, как бы обобщая всё сказанное и написанное о Ленине, М. Калинин и А. Енукидзе в статье «К трудящемуся человечеству», помещённой на первой странице номера писали: «Его способность к предвидению была колоссальна. Его умение организовывать массы было изумительно. Он был самым великим из полководцев всех стран, всех времён и всех народов. Он был полководцем нового человечества, освобождающего мир».

Эти словесные конструкции, говорящие об особой одарённости, исключительности личности Ленина и составили развивавшийся идейный комплекс вождизма. В дальнейшем они использовались как по отношению к Ленину, так и по отношению к Сталину. С течением времени из официальных текстов уходили в прошлое выражения дружеского, лично близкого отношения к Ленину, они были вытеснены отшлифованными, отстоявшимися и как бы официально утверждёнными формулами словесного выражения величия вождя.

«В. Ульянов (Ленин)»,
А. И. Страхов-Браславский, 1924 г.

Кончина Ленина и потрясение, которое она породила, не могли не отразиться на изображении умершего лидера. Ленин должен был возродиться в новом существовании, и его новый образ был призван отразить бессмертие его дела. Ленин мог умереть, но ленинизм остался жить и ленинизм должен был победить. Художникам надлежало выразить посмертную жизнь вождя и его учения.

В том же году образ Ленина явил плакат А. И. Страхова, своего рода памятник Ленину с датами рождения и смерти, с траурной каймой в верхней и нижней частях произведения: своеобразный визуальный некролог. В композиции доминирует фигура Ленина – вождя революции в полный рост на фоне силуэта промышленного центра. В нижней части плаката изображена автомашина, кузов которой заполнен вооружёнными людьми, а за ней движется пешая колонна со знаменем. Заметно, что у людей, изображённых силуэтами, единой военной формы нет. Это – красная гвардия – военная сила революции. Создатель плаката представил Ленина с протянутой вперёд указующей рукой и напряжённым взглядом. Такая деталь уже в 1920-х гг. становится традиционной и весьма существенной в изображении вождя. Художник очень скупно распорядился колоритом своего произведения. Преобладает красный цвет, с помощью которого подчёркнуты фигура Ленина и колонна красногвардейцев. Город дан чёрным цветом. Для того чтобы выделить верхнюю часть фигуры Ленина, в верхней и центральной части плаката художник дал для этой фигуры светлый фон, напоминающий ореол. Этот светлый фон обеспечивает контраст с

изображением Ленина, данным в красном цвете. Скупой набор цветов, сочетание красного и чёрного придаёт произведению строгость, некоторую траурность.

Плакаты Щербакова и Страхова демонстрируют переход в эволюции художественного образа Ленина от товарища по партии к социалистическому пророку, харизматическому лидеру.

Рядом с культом Ленина в более скромных размерах оформлялся культ другого вождя партии – Троцкого. В 1917 г. Троцкий приобрёл широкую популярность. В сентябре он возглавлял Петроградский Совет, в качестве руководителя которого и сыграл огромную роль в организации вооружённого восстания. Хотя Троцкий уступал Ленину в величине авторитета, в послеоктябрьский период антибольшевистские силы часто именовали Совет Народных комиссаров правительством «Ленина и Троцкого». В марте 1918 г. Троцкий становится наркомом военных дел, в первые месяцы деятельности в этой роли он ещё сохранял привычный образ штатского министра. Впоследствии стиль Троцкого зримо милитаризируется: перед публикой он, как правило, выступает в шинели (иногда в кожанке). Как и в случае Керенского, происходит «соединение революционной и военной традиций» [8, с.500]. Его именовали не просто «военным вождём» или «главным вождём», но в отдельных случаях «верховным вождём и руководителем» армии и даже «главнокомандующим сухопутными и морскими войсками». В обращениях от лица простых людей чаще звучали такие традиционные нотки, как «всемиловитевнейший» вождь, а также «брат» и «учитель» [17]. В 1920 г. вышла биография Троцкого, которая именовала его таким эпитетом, как «Трибун революции» [21].

«Троцкий поражает дракона контрреволюции», В.Н. Дени, 1920 г

«Красный лев Троцкий на могиле контрреволюции», В.Н. Дени, 1922 г.

На плакате 1920 г., созданном в ту пору, когда ещё шли сражения Гражданской войны, Троцкий был изображён в традиционном облике Георгия Победоносца, сражающегося с чудовищем (змьём древнерусской традиции). Как и иконописный Георгий, Троцкий изображён без головного убора, а вместо нимба святого у него – советская пятиконечная звезда. На щите у всадника изображена звезда, в которую вписаны серп и молот. Для связи с современностью змию придан цилиндр (типично буржуазная деталь в восприятии художника и зрителя), а для верности по телу змия была протянута надпись: «Контрреволюция».

Другой плакат был создан в ту пору, когда внутренняя война уже завершилась. Обыгрывая имя Троцкого, Дени изобразил его в виде льва, попирающего передними лапами российский триколор, а вокруг разбросаны предметы, символизирующие ушедший мир: разломанный пополам двуглавый орёл, цилиндр, фуражка с красным околышем и погон, наградной крест, пограничный столб, чьё падение символизировало мировую революцию, ломавшую все прежние государственные границы. Нужно сказать, что изображение вождей в виде животных или птиц, пусть даже и могучих и грозных, не привилось в искусстве плаката. Сталинское словосочетание «горный орёл», употреблённое по отношению к Ленину, не было воплощено в зримом образе ни одним советским художником.

Таким образом, вождизм, то есть признание высочайшего авторитета и даже культ вождя вписывались в жизнь партии и формировали сознание большевиков. А тот, кто вошёл в партию уже в советских условиях, воспринимал этот культ как норму партийной жизни.

Я. Плампер, который изучал развитие культа Сталина по материалам газеты «Правда», писал о том что «зарождение культа Иосифа Сталина (1879-1953) следует отнести к 21 декабря 1929 года, когда по случаю 50-летия Сталина в различных СМИ – и в первую очередь в таких центральных газетах как "Правда", – развернулась широкомасштабная кампания по его возвеличению» [15, с.7]. Думается, что формирование культа началось незаметно и постепенно, скромно на первых порах. Исследователи давно заметили, что в журналах за 1924 г. рядом с ленинианой помещаются статьи Сталина, создавая в сознании населения уверенность в единстве дей-

ствий и мыслей этих вождей, в их преемственности [15, с.101]. С конца 1920-х гг. Сталин стал героем детских журналов «Чиж» и «Ёж», со страниц которых он «предстает перед читателями как ученик и друг Ленина» [15, с.114].

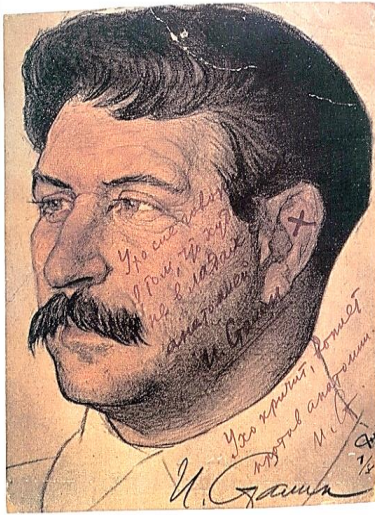
В 1928 в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован роман С. Малашкина «Сочинение Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени». Член ВКП(б), человек, друживший с Молотовым, автор чувствовал атмосферу внутри партии, улавливал новые веяния, знал большевизм изнутри. В его романе говорилось о XV съезде партии, на котором Сталин выступал с политическим отчётом ЦК: «Докладчик был выше среднего роста, с приподнятыми кверху крутыми плечами, с бледно-желтым и немного рябоватым лицом, с блестящими, то и дело вспыхивающими чёрным огнём глазами, с обвислыми чёрными, с едва заметной проседью усами, с низко подстриженными зачёсанными назад чёрно-серебристыми жёсткими волосами; одет он был просто, обычно, как всегда: на нём был не то светло-зелёный, не то светло-синий военный френч, но без всяких военных знаков, застёгнутый на все пуговицы; на нём были такого же цвета военные брюки, но не галифе, и были заправлены в мягкие светлые и высокие, до самых колен, сапоги. Сейчас он стоял ровно, неподвижно, как скала,... дождался окончания овации. Казалось, что этому гулу не будет конца» [13, с.614].

Простота внешнего облика Сталина и вместе с тем сравнение со скалой, возвышающее вождя, обожание со стороны партийцев – во всём этом уже чувствуется некое преклонение, зародыш формирующегося культа.

Возвратившийся из заграницы в апреле 1928 г. Н. Валентинов, по его словам, «узнал, что в разных кругах и разговорах всё время приходится наткаться на имя Сталина» [3, с.249]

Итак, уже в 1920-х гг. развивался культ нового вождя. Не исчезнувший при этом культ Ленина узаконивал власть наследника. А культ Троцкого по мере его поражений в столкновениях со Сталиным сворачивался и в официальных изданиях сошёл на нет.

Ещё тогда, когда художники запечатлевали облики вождей революции, Сталин очень внимательно относился к своим портретам, один из которых создал Н. Андреев.

Портрет Сталина, Н. Андреев, 1922 г.

Работа Андреева не понравилась Сталину. В частности, Сталин возражал против того, как нарисовано ухо, он написал в левом нижнем углу: «Ухо кричит, вопиёт против

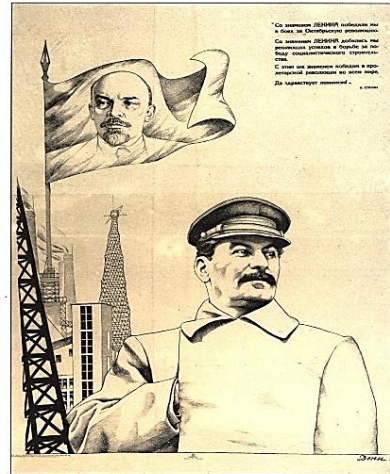

«Трубка Сталина» В. Н. Дени, 1930 г

В эту пору в партийной среде ещё не исчезло товарищеское отношение к Сталину, отношение равных с равным, но с осознанием весомости его авторитета в партии. Эта черта свойственна рисункам Дени начала 1930-х гг. В работе «Трубка Сталина» допущена доля насмешливости по отношению к вредителям, нэпманам, кулакам. Однако сам облик вождя (в отличие от облика Ленина на плакате «Тов. Ленин очищает землю от нечисти») никакого товарищеского юмора в себе не несёт. Сталин изображён с лицом серьёзным и строгим взглядом. А на другом рисунке он стоит под знаменем Ленина, подчёркивая тем самым, что является учеником и последователем гениального вождя. Элементы

анатомии. И. Сталин». Затем, чтобы всё-таки этот портрет не был опубликован, он написал прямо по собственному изображению: «Ухо сие говорит о том, что художник не в ладах с анатомией. И. Сталин». А на той части уха, которая ему показалась неудачной, он поставил жирный крестик. Здесь заметно большое, придирчивое внимание Сталина к портрету. Думается, и другие официальные изображения вождя проходили столь же очень внимательную цензуру самого Сталина.

21 декабря 1929 г. «Правда» была наполнена материалами, посвящёнными юбилею Сталина. При этом в газете были помещены фотографии Сталина и одного и с товарищами по партии — Лениным, Калинин, Молотовым. Однако никакой героизации, никакого следа вождизма в этих фотографиях незаметно. Культ складывался постепенно, к почитанию Сталина ещё нужно было привыкнуть широким слоям населения.

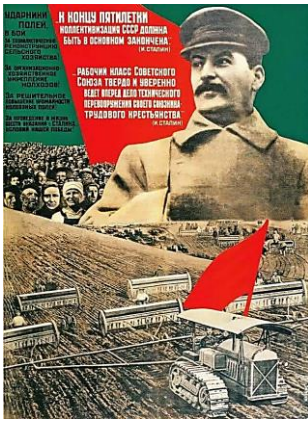

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию», В. Н. Дени, 1931 г.

индустриального пейзажа намекают на важнейшее дело этого человека — руководство выполнением первого пятилетнего плана, индустриализацией страны.

Художник-плакатист Г.Г. Клуцис в своих работах обычно использовал фотографические изображения Сталина. Обязательными деталями уже стали фуражка, шинель, китель. Они подчёркивали в его облике черты солдата партии, революционного борца, готового к сражениям, аскета в быту. В этом отношении изображения Сталина были близки к тому облику Керенского, который был создан в портрете кисти Бродского.

Тот же подход, что в произведениях Дени, замечен в плакате работы Б. Е. Ефимова.

«К концу пятилетки коллективизация в СССР должна быть в основном закончена...», Г.Г. Клуцис, 1932 г.

«Капитан страны советов ведёт нас от победы к победе!», Б.Е. Ефимов, 1933 г.

В 1933 г. Бродский создал портрет Сталина, который наводит на предположение, что живопись, выполняя социальный заказ, обгоняла политический плакат. Сталин был изображён выступающим на трибуне. На светло-красном фоне ярко выделяется его фигура в военном френче. Голова сильно контрастирует с фоном, вокруг неё художник дал высветление, создав, вольно или невольно, некий ореол вокруг головы вождя, ниже этот контраст смягчается, особенно перед фигурой Сталина. Постановка головы Сталина ясно демонстрирует то, что вождь смотрит куда-то поверх зала, перед которым выступает, прозорливо видит некие дали, невидимые рядовым людям. Художник смотрел на Сталина снизу вверх, как бы находясь в зале, над которым возвышалась трибуна с оратором. Такая точка зрения придавала величие фигуре вождя, зрительно делала её выше ростом. Сталин на картине Бродского стоит спокойно и уверенно. Эта неподвижность стала одним из важнейших приёмов у художников при создании образа вождя. Если Ленин нередко изображался с поднятой рукой, в порыве, выступающим перед массами [5, с.212], то изображения Сталина своей неподвижностью тяготели к монументальности. Кроме того, Бродский искусственно увеличил нижнюю часть фигуры Сталина, нарастив её вправо и создавая иллюзию оттопырившейся полы френча. В то же время костюм Сталина застёгнут на все пуговицы. Без этого приёма Сталин выглядел бы гораздо более стройным, но не столь внушительным. Как и в портрете Керенского, нужно было показать крепкую фигуру вождя. образу Сталина начинают сопутствовать постоянные предметы – трубка в руке, карта, газета или книга. Если трубка отражала всего лишь

одну из привычек Сталина, то карта, газета, книга должны были, по мысли художника, свидетельствовать о работе, неутомимой и серьёзной деятельности Сталина.

Целый ряд приёмов, которые применил Бродский в рассматриваемом портрете Сталина, в дальнейшем станут традиционными и даже в значительной мере обязательными при создании изображений вождя. Тут уже видны сложившиеся черты канона, определённой официальной традиции.

Портрет И. В. Сталина, И.И. Бродский, 1933 г.

После смерти Ленина Сталин ввёл в словарь партийной идеологии и пропаганды такие словосочетания и формулировки по отношению к Ленину как «гениальнейший из гениальных вождей пролетариата», «Ленин был, как всегда, прав», «он зажёл сердца рабочих и крестьян всего мира» «руководитель высшего типа», «горный орёл нашей партии», «новый вождь новых масс», «гений революционных взрывов», «гениальная прозорливость» [18, с.53, 55, 61, 64; 19, с.48, 50, 51]. Если у Ленина осмысление роли руководителей партии и характера их деятельности не приводило к выводам о гениальности этих вождей, не

доходило до их превознесения и воспевания, то в выступлениях Сталина, в его формулах-определениях эта грань была пройдена и оставлена далеко позади. Вождь (гений) был поставлен на недостижимую высоту, о чём ясно говорил образ горного орла. Вождь никогда не делал ошибок. Понятие вождизма получило новое качество. В него вошёл тот набор представлений, определений, характеристик, которые были впоследствии приложены к Сталину.

Однако истоки сталинской идеи вождя были иными, чем у Ленина. В отличие от Ленина, Сталин опирался не на представления об экономической или иной необходимости лидера-диктатора, а на традиционные основы российской действительности, на психику народа. Он не сформулировал этой позиции в своих трудах. Поэтому, чтобы её заметить, нужно обратиться к свидетельствам современников об устных высказываниях Сталина.

В 1927 г. он приехал в Ленинград. После собрания партийного актива Сталин ужинал на квартире у С.М. Кирова вместе с хозяином квартиры и П.И. Чагиным, старым другом Кирова, бывшим редактором газеты «Бакинский рабочий». После ужина зашёл разговор о положении в партии. «Смерть Ленина — страшная утрата для партии, — сказал Киров. — Нам надо всем сплотиться и постараться коллективом заменить Ильича». Сталин молча слушал, потом сказал: "Да, конечно, ЦК, коллектив — это всё очень хорошо. Но русский мужик царист: ему нужен один". При этих словах он поднял кверху указательный палец. Наступила пауза. Собеседники были ошеломлены»[1, с.110].

Обратим внимание на то, что Сталин поднял палец, высказывая свою мысль. Этот жест означал, что он эту мысль о народе-царисте считал важной, значительной, следовательно, он над ней долго размышлял, и она превратилась в его убеждение. В рассуждениях Сталина отразилась та настойчивая мысль, которая постоянно была у Ленина и всего партийного руководства — пролетарская революция победила в крестьянской стране! Народ СССР это главным образом крестьяне. Следовательно, по мысли Сталина, ему нужно было ориентироваться на те традиции, которые сложились в крестьянской среде, учитывать именно эти традиции, именно крестьянскую психологию в своей политике. В 1930-е гг. Сталин снова возвращался к идее вождя. В тесном кругу родственников он, случалось, проговаривался о том, что было годами выношено им. Как отметила его родственница

М.А. Сванидзе в дневнике от 29 апреля 1935 г., «он как-то сказал об овалациях, устраиваемых ему, — народу нужен царь, т.е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать»[6, с.19]. В этом высказывании примечательна деталь — «и работать». В пору первых пятилеток, когда приходилось задумываться о стимулах к труду, для Сталина наличие «царя», его обращений с призывами к народу, были важными средствами воздействия на массы для их мобилизации на выполнение важнейших хозяйственных задач. В этом было оправдание необходимости «царя» в новых исторических условиях.

Прошло несколько дней после того, как прозвучали и были записаны цитированные слова Сталина, и он снова вернулся к той же мысли. 9 мая, как писала Сванидзе, «Иосиф опять высказал мысль о феетицизме народной психики, о стремлении иметь царя»[6, с.20].

Следовательно, на протяжении ряда лет — по меньшей мере, со второй половины 1920-х гг. до середины 1930-х — Сталин размышлял о необходимости вождя в партии и стране, о готовности народа принять идею вождизма, о том, что именно он может и должен взять на себя такую роль в истории страны.

В 1929 г. была опубликована в «Правде» работа К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия», в которой Сталин был представлен творцом основных побед в Гражданской войне. Откликаясь на это произведение, а также на тот культ вооружённых сил, который существовал в СССР в 1930-х гг., Клуцис создал плакаты, представлявшие Сталина-военачальника. Мысль художника, по всей видимости, заключалась в демонстрации военной мощи страны, в прославлении Сталина и Ворошилова как её создателей. Внимание зрителя концентрировалось на изображениях танков и самолётов — самой передовой военной технике того времени.

Та же мысль — в плакате работы Дени. Это произведение было создано в самый канун Великой Отечественной войны — в 1939 г., когда тема обороноспособности, военной силы стала особенно актуальной.

Кроме упомянутой работы Ворошилова «Сталин и Красная армия», произведением, посвящённым Сталину и формирующим культ его личности, была брошюра К. Радека «Зодчий социалистического общества», опубликованная сперва в виде статьи в «Правде» 1 января 1935 г., а потом отдельной брошюрой тиражом в 75 тысяч экземпляров[16].

«Да здравствует рабоче-крестьянская красная армия – верный страж советских границ!», Г.Г. Клуцис, 1935 г.

«Да здравствует наша счастливая социалистическая Родина. Да здравствует наш любимый великий Сталин!», Г.Г. Клуцис, 1935 г.

«Сталинским духом крепка и сильна наша армия и наша страна», В.Н. Дени, Н.А. Долгоруков, 1939 г.

В отличие от статьи Ворошилова, брошюра Радека формировала представление о Сталине уже не только как об активном участнике гражданской войны, но и как об основателе партии («он основал партию снизу»), творце Октябрьской революции. Об этом Радек писал обобщённо, без указания на факты (да и где было набрать убедительных фактов?): «Годы Октябрьской революции видели Сталина не только в штабе революции, но чаще на передовой боевой линии. Он видит революцию не через сообщения, – он смотрит ей прямо в лицо, он видит её величайшие взлёты и он видит её дно»[16.с.16].

Какая «передовая боевая линия» имела ввиду, где она проходила, если её воспринимать как линию фронта? Об этом автор вразумительно не говорил, да и не мог сказать. Радек повторил мысль Ворошилова о том, что Сталин был создателем Красной армии. Наконец, Радек определил Сталина как «величайшего теоретика и политика пролетариата», «великого учителя... не только партии, но всех трудящихся величайшей страны мира»[16, с.17,24].

Брошюра Радека по сравнению со статьёй Ворошилова поднимала культ Сталина на новый уровень. Характеристики, которые формулировал Радек, употреблённые им эпитеты были гораздо сильнее, превосходнее по степени, чем восхваления в статье Ворошилова. Если Ворошилов был

ограничен сравнительно узкими рамками истории гражданской войны, то Радек использовал всемирно-исторический охват.

В том же году, что и брошюра Радека, вышла работа Л.П. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В 1930-х и в 1940-х гг. доклад был издан и многократно переиздан отдельной книгой с приложениями. Первой концептуальной идеей работы Берии была мысль о том, что «вся история закавказских большевистских организаций, всё революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связано с работой и именем товарища Сталина» [2].

Вторая концептуальная идея заключалась в утверждении двух центров в процессе образования партии большевиков. В одном главное действующее лицо – Ленин, в другом – Сталин. Сталин, по словам автора, «основоположник революционного марксизма-ленинизма и первых ленинско-искровских социал-демократических организаций Закавказья» [2].

В политическом плакате в 1930-е гг. разрабатывались и закрепились два подхода к преподнесению облика вождя. Один подчёркивал человечность Сталина (типичная тема – «Стали и дети»), другой – недостижимость «горного орла», сверхчеловеческое величие гения всех времён и народов (типичная тема – «Сталин и народ»).

В.И. Городков, 1936 г.

В двух плакатах, созданных в близкое время, ярко видны отмеченные приёмы: в работе В.И. Городкова — первый, в произведении В.Н. Ёлкина — второй. В первом плакате заметны такие типичные приёмы как ярко выраженная радость детей от общения с вождём, их движение к нему, слегка наклонённая поза Сталина, полуобъятие. Во втором плакате типичны укрупнённое изображение Сталина, массы народа как фон, подчёркивающий масштаб личности вождя.

В 1938 г. впервые была опубликована важнейшая в политико-идеологическом плане книга — «История ВКП (б). Краткий курс». Эта работа представляла не столько биографию Сталина, сколько его идеи. Историческая часть этой книги более или менее скромно поддерживала культ Сталина. Здесь не было тех пышных речений, которыми отличалась брошюра Радека. Роль Сталина в гражданской войне была обрисована гораздо скромнее, чем в статье Ворошилова. Ненавязчиво читателю предлагалась мысль о Сталине как выдающемся теоретике марксизма-ленинизма, что являлось важным элементом вождизма.

В 1939 г. вышла в свет краткая биография Сталина. Её готовили параллельно с «Кратким курсом», и вот она-то и должна была осветить то, что в этом курсе, теоретическом по основному содержанию, было сказано коротко, скупо. Именно в этой книге и должны были получить освещение исторические события, деятельность Сталина, его участие в судьбоносных для страны свершениях партии большевиков. В этой книге усиленно проводилась связь между Лениным и Сталиным. Даже если в ранние годы деятельности Сталина между ними не было никаких личных контактов, тем не менее, авторы усматривали некую духовную связь. Уже при освещении событий 1905 г. Сталин характеризуется как «талантливый полемист», «крупнейшая (!) литературная и теоретическая сила партии» [7, с.6] В «Кратком курсе» истории

В.Н. Ёлкин, 1938 г.

ВКП(б) такой характеристики с высокой оценкой Сталина ещё не было. Биографы Сталина выдвинули положение о том, что «Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания» в октябре 1917 г. [7, с.31]. После смерти Ленина Сталин преподносился как главный вождь партии. Он разработал «учение о социалистической индустриализации» и о коллективизации. Биография Сталина вместе с «Кратким курсом» явилась важнейшим идеологическим документом в развитии идей вождизма. Работы Ворошилова и Берии не могли занять равных по значению мест рядом с этими произведениями. Они были посвящены сравнительно узким темам, а кроме того, степень восхваления вождя в них была уже недостаточной. Работа Радека не могла использоваться в пропаганде, так как её автор был расстрелян как «враг народа».

В конце 1939 г. страна отмечала 60-летие Сталина. В главном теоретическом журнале партии «Большевик» передовая статья носила название «Великий вождь и учитель». В ней обозревался жизненный путь вождя обобщённо, без неуместных подробностей, которые не вписывались в величественную картину или даже противоречили ей. В статье была представлена концепция двух вождей в истории партии: «Имена Ленина и Сталина стоят рядом как имена основоположников большевизма, организаторов и вдохновителей Великой Октябрьской социалистической революции, строителей первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, корифеев революционной науки, её новаторов и творцов» [4, с.2].

Завершали статью авторы строками, написанными в духе раболепного панегирика, созданного Радеком: «Как и Ленин, Сталин был рождён для революции. Как и Ленин, он поистине гений революционных взрывов. Как и Ленин, он видит взором яс-

новидца дальнейшее движение классов, вероятные зигзаги революции. Не раз Сталин писал и говорил о гениальной прозорливости Ленина, о его способности быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий. Этими ленинскими свойствами обладает и Сталин...»[4,с.11].

Первый номер того же журнала за 1940 г. был полностью посвящён юбилею вождя. Видимо, того, что было напечатано в 1939 г., сочли недостаточным. Сталину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Молотов писал о нём как продолжателе дела Ленина, «любимом вожде и учителе», нарком обороны Ворошилов — как о строителе Красной Армии, нарком путей сообщения Л.М. Каганович — как о машинисте локомотива истории, А.И. Микоян, занимавшийся внешней и внутренней торговлей, конечно, не мог увязать великого вождя со столь прозаичным занятием как торговля, не мог назвать его первым красным купцом, поэтому писал о

Г. Г. Клуцис, 1936 г.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в периодической печати использовались довоенные фотографии Сталина. В это время вождь не мог позировать художникам. Поэтому они могли пользоваться только довоенными снимками как основой для своих плакатных произведений.

В начале войны, в период поражений, потерь и отступлений, в прессе резко сократилось количество сталинских фотографий и это не могло не повлиять на творчество художников-плакатистов. В первые месяцы войны культ личности Сталина ослаб, его образ использовался в пропаганде заметно реже, чем до войны.

Ситуация несколько изменилась после событий 6-7 ноября 1941 г. (торже-

Сталине как о «Ленине сегодня». Всего было опубликовано одиннадцать статей, воспевавших вождя. В этих трудах заметно приписывание Сталину заслуг других людей, преувеличение степени участия в важнейших событиях в жизни партии и страны, преувеличение итогов деятельности, приписывание больших заслуг в разработке теории марксизма.

Итак, в 1938-1940 гг. завершилось создание комплекса работ, венчающих собою весь довоенный период развития вождизма. Входившие в этот комплекс книги и статьи выражали идею вождизма в идеологии партии большевиков.

Представление о Сталине как видном теоретике марксизма-ленинизма, стоящим наравне с его основоположниками, запечатлел и политический плакат. Эту идею о четырёх классиках марксистской теории впервые в 1936 г. воплотил в зримых образах Клуцис, а в 1939 — Соколов-Скаля.

П. П. Соколов-Скаля, 1939 г.

ственного заседание Моссовета, проходившего на станции метро «Маяковская» и парада на Красной площади). Понимая значение этих выступлений для людей, власть сделала всё возможное для их максимально широкой пропаганды и распространения. Плакатисты в полной мере прочувствовали и адекватно отобразили эту мужественную стилистику военного времени.

На фуражке Сталина появилась звезда. Он по-прежнему в строгой военной шинели. В новой, военной, ситуации сохранилась традиция изображать Сталина укрупнённо, над массами военных людей и военной техники. С 1942 г. начинается постепенный переход к новому образу Сталина — образу главнокомандующего, военного вождя особенно после побед в Сталинградской и главной битве в Курской битве.

В этом образе появился как типичная деталь указующий жест, который направлял наступление советской армии на врага. Этот жест запечатлён в плакатах В.С. Иванова, В.А. Николаева, В.Б. Пинчука 1942-

1944 гг. Типичные детали – Сталин изображён на фоне красного знамени, его взор, как всегда, направлен вдаль, лицо сурово. На красном знамени в качестве политико-идеологического символа – либо изображение Ленина, либо герба СССР.

А. Житомирский, 1942 г.

В. С. Иванов, 1942 г.

Б.Н. Карпов, 1943 г.

В.А. Николаев, 1943 г.

23 февраля и 7 марта 1943 г. в «Правде» был опубликован рисунок Б.Н. Карпова – портрет Сталина. Повторная публикация портрета свидетельствовала о том, что работа художника Сталину понравилась. Его суровый облик стал основой для создания плакатов в это время.

7 ноября 1943 г. в «Правде» был опубликован рисунок П. Васильева, представляющий Сталина в совершенно новом облике – в одеянии победителя. Фуражку со звездой и простую солдатскую шинель без погон сменила парадная форма маршала с золотым шитьём и другими украшениями. Теперь именно такой образ вождя становится типичным для советского политического искусства.

В.Б. Пинчук, 1944 г.

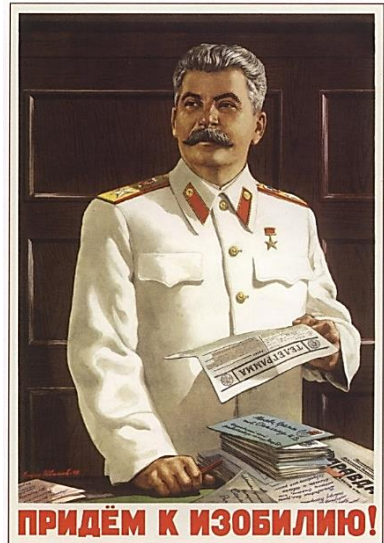
На плакатах завершающего этапа войны Сталин героизирован. Он не жестикулирует. В его облике подчёркнуты неподвижная монументальность и сдержанность.

Таким образом, формируется образ «отца народа», стратега, полководца, и бесстрашного военачальника. Важным элементом на плакатах становится карта: Сталин что-то чертит, водит по карте рукой, расставляет флажки. Его власть над пространством кажется абсолютной. Понятие вождя партии и государства обогатилось рядом черт, особенно представлением о его всевластии.

Таким образом, на протяжении войны в советском плакате сформировались основные типы изображений Сталина в роли руководителя и организатора По-

беды. Эта тенденция получила продолжение и в послевоенные годы. Война, и в особенности победа в войне превратила Сталина в «спасителя отечества». Его образ получил новый статус, более не требовавший прежней легитимации.

К концу войны здоровье И. В. Сталина оказалось серьезно подорвано, количество официальных фотографий вождя в послевоенные годы было сравнительно невелико. Сопоставление официальных изображений Сталина с его же фотографией даёт разительный контраст в чертах внешнего облика вождя.

В.С. Иванов, 1949 г.

В.И. Городков, 1949 г.

К концу 1940-х гг. утвердились основные канонические образы Сталина: «вождь», «народный трибун», «отец народов», «строитель коммунизма». Каждый из образов за собой имел свои визуальные ассоциации: Сталина как «отца народов» неизменно изображали среди представителей различных национальностей; Сталина как «строителя коммунизма» представляли среди тракторов и заводов [15, с. 300-301]. Облик вождя связывался с мирным трудом, хотя форма генералиссимуса ещё использовалась художниками

как напоминание о недавно завершившейся войне, как о победе в ней.

В послевоенной живописи и политических плакатах образ Сталина имеет всё меньше сходства с реальным обликом вождя в этот период. Композиция выстраивается следующим образом: монументальная фигура вождя, как правило, занимающая центральное место изображается в парадной форме с погонами, в любой момент готовой к решительным действиям, полной сил и энергии. На многих плакатах присутствует взгляд «снизу», масштабно увеличивая фигуру вождя.

Б.Н. Беспольский, 1951 г.

В советском изобразительном искусстве создатели парадных портретов Сталина возродили традиции русского парадного портрета XVIII в. Портретируемый изобра-

Портрет Куракина, В.Л. Боровиковский, 1801-1802 гг.

Эволюция образа вождя в плакатном (портретном) искусстве за 1917-1940-е гг. шла тем же путём, что и вся партийно-государственная идеология – от радикальных понятий и представлений к возрождению традиционных для России идей и образов, от мировой революции к защите отечества. По сравнению с изображениями вождей в ранние революционные годы галерея портретов Сталина отличалась разнообразием, доведением идейного комплекса вождизма до логического конца.

жался в торжественном официальном облачении с орденами и знаками отличия. Одежда, награды обычно тщательно выписывались. Эти детали должны были сообщать зрителю, каково место человека в системе государства, каковы его заслуги. Фигура портретируемого была неподвижна, поза горделива. Обстановка также должна была говорить о занятиях человека, Сталина изображали в рабочем кабинете как руководителя страны и партии. На заднем фоне в портрете XVIII в. обычно помещались изображения (или бюсты) императоров/императриц. Позади Сталина на стене – портрет Ленина, его Учителя и предшественника. В обоих случаях никакой психологической характеристики, изображения носят исключительно официальный характер.

Портрет Сталина, Б.Н. Карпов, 1945 г.

Изображения обогащали характеристики вождя партии наглядностью, эмоциональной стороной, эстетизацией. С точки зрения общественного сознания, это было важным и необходимым дополнением к идеологическим текстам. А учитывая низкую грамотность большинства народа, изображения вождя были если и не единственным, то главным средством донесения смысла идейного комплекса вождизма до населения страны.

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. №3. С.106-124.
2. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье litmir.me/br/?b=187789&p=2 Дата обращения 7.III.2020.
3. Валентинов Н. В. О Ленине. Нью-Йорк: Телекс, 1991 – 465 с.
4. Великий вождь и учитель // Большевик. 1939. № 23-24. С.1-11.

5. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994 – 287 с.
6. «Иосиф бесконечно добр...» Дневник Марии Анисимовны Сванидзе, родственницы И.В. Сталина (отдельные фрагменты за 1933-1937 гг.) // Источник. 1993. № 1. С.4-34.
7. Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография). М.: Госполитиздат, 1939 – 65 с.
8. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). Европейский ун-т в С.-Петербурге, С.-Петербургский Институт истории РАН. СПб.: НЛО, 2017 – 511 с.
9. Ленин В.И. Беседа с защитниками экономизма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.5. С. 360-367.
10. Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.4. С.371-377.
11. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.36 С. 165-208.
12. Ленин В.И. Что делать? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т.6. С.1-193.
13. Малашкин С.И. Сочинения Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени. М.: Молодая гвардия, 1928 – 715 с.
14. Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства СССР 1930-х годов. М.: Галарт, 1995 – 218 с.
15. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. СПб.: НЛО, 2010 – 495 с.
16. Радек К.Б. Зодчий социалистического общества. Л.: Ленпартиздат, 1935 – 57 с.
17. Резник А.В. Лев Троцкий и проблема культа вождя в 1920-1927 гг. СПб.: НЛО, 2017 – 324 с.
18. Сталин И.В. О Ленине. Речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 г. / И.В. Сталин // Соч. Т.6. С.52-64.
19. Сталин И.В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде советов 26 января 1924 г. / И.В. Сталин // Соч. Т.6. С.46-51.
20. Старцев В.И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16. С.76-87.
21. Устинов Г. Ф. Трибун революции: Л.Д. Троцкий. М.: Партиздат, 1920 – 70 с.
22. Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Poster under Lenin and Stalin. California: University Press, 1997 – 363 p.

THE BOLSHEVISM IDEOLOGY AND LEADER IMAGE IN THE SOVIET ART

The article presents the evolution of the ideological complex of chiefdom in the ideology of the Bolshevik Party and the reflection of this idea in political posters, drawings, paintings dedicated to the leaders. The images were studied mainly by I.V. Stalin without connection with the evolution of the ideology of the Bolsheviks. The chronological framework of their works was limited to the years 1930-1950. The chronological framework of this study covers the period from 1917 to the early 1950s. The article examines the prerequisites for the emergence of the cult of the leader in the public consciousness after the February Revolution and in the ideology of the Bolshevik Party. In this ideology, the complex of leadership emerged gradually. At the beginning of his revolutionary activity, Lenin justified the need for leaders for the party. After coming to power in the country, Lenin characterized their role as dictators in the management of the economy. In the 1930s, Stalin came to the conclusion that in Russia the need for a leader lies in the traditional views of the Russian people. This idea was political realism and at the same time a departure from Lenin's class position. During his lifetime and soon after Lenin's death, artists presented his image in a friendly and humorous spirit. Later, his image in the visual arts is canonized, the cult of Lenin develops. Images of Stalin have undergone an even greater evolution. In the 1930s, the ideological complex of his cult was formed in literature and embodied in a number of works of fine art. The evolution of the image of the leader in the visual arts in the 1930s and 1940s followed the same path as the entire party-state ideology - from radical concepts and ideas to the revival of traditional ideas and images for Russia.

Keywords: V.I. Lenin, Joseph Stalin, revolution, leadership, poster, ideology, cult of personality, image, gesture, figure.

References

1. Antonov-Ovseenko A.V. Stalin i ego vremia // Voprosi istorii. 1989. №3. S.106-124.
2. Beria L.P. K voprosu ob istorii bolshevistskikh organizatsii v Zakavkazie litmir.me/br/?b=187789&p=2 Дата обращения 7.III.2020.
3. Valentinov N.V. O Lenine. N.Y.: Telex, 1991 – 465 s.
4. Velikii vozhd i uchitel // Bolshevik. 1939. № 23-24. 1-11 s.
5. Golomshtok I.N. Totalitarnoe iskusstvo. M.: Galart, 1994 - 287 s.
6. “Iosif beskonechno dobr...” Dnevnik Marii Anisimovni Svanidze, rodstvennici Stalina (otdelnie fragmenti za 1933-1937 gg.) // Istochnik. 1993. № 1. S.4-34.
7. Iosif Vissarionovich Stalin (kratkaia biografia). M.: Gospolitizdat, 1939 – 65 s.

8. Kolonitskii B.I. "Tovarishch Kerenskii": antimonarhicheskaia revolutsia i formirovanie kulta "vozhdia naroda" (mart-iun 1917 goda). Evropeiskii universitet v S.-Peterburge, S.-Peterburgskii Institut istorii RAN. SPb.: NLO, 2017 – 511s.
9. Lenin V.I. Beseda s zashchitnikami ekonomizma / V.I. Lenin // Poln. sobr.soch. T.5. S. 360-367.
10. Lenin V.I. Nasushchnie zadachi nashego dvizhenia / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.4. S.371-377.
11. Lenin V.I. Ocherednie zadachi sovetskoj vlasti / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.36 S. 165-208.
12. Lenin V.I. Chto delat? / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T.6. S.1-193.
13. Malashkin S.I. Sochinenia Evlampia Zavalishina o narodnom komissar i o nashem vremeni. M.: Molodaia gvardia, 1928 – 715 s.
14. Morozov A.I. Konets utopii. Iz istorii iskusstva SSSR 1930-h godov. M.: Galart, 1995 – 218 s.
15. Plamper Ia. Alhimia vlasti. Kult Stalina v izobrazitelnom iskusstve. SPb.: NLO, 2010 – 495 s.
16. Radek K.B. Zodchii socialisticheskogo obshchestva. L.:Lenpartizdat, – 57 s.
17. Reznik A.V. Lev Trotski i problema kulta vozhdia v 1920-1927 gg. SPb.: NLO, 2017 – 324 s.
18. Stalin I.V. O Lenine. Rech na vechere kremliovskih kursantov 28 ianvaria 1924 g. / I.V. Stalin // Soch. T.6. S.52-64.
19. Stalin I.V. Po povodu smerti Lenina. Rech na II Vsesouznom siezde sovetov 26 ianvaria 1924 g. / I.V. Stalin // Soch. T.6. S.46-51.
20. Startsev V.I. Kerenskii: Sharzh i lichnost // Dialog. 1990. № 16. S.76-87.
21. Ustinov G.F. Tribun revolutsii: L.D. Trotskii. M.: Partizdat, 1920 – 70 s.
22. Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Poster under Lenin and Stalin. California: University Press, 1997 – 363 p.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Карпухин Артур Андреевич – бакалавр образования, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: arthurkarpuhin@yandex.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Department of History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Karpuhin Artur Andreevich – bachelor of education, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: arthurkarpuhin@yandex.ru